

ИСТОРИЯ HISTORY

Азаренков А.А., Азаренкова Н.Н.
Azarenkov A.A., Azarenkova N.N.

**АМЕРИКАНСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ – СССР.
ЭПОХА «ПРОСПЕРИТИ», 1922 – 1928**

**AMERICAN FOREIGN POLICY PRIORITIES IN THE FAR-EAST REGION AND THE
SOVIET RUSSIA/USSR. THE AGE OF “PROSPERITY”, 1922 – 1928**

Азаренков Александр Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры истории Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии (Россия, Биробиджан), 679015, Еврейская АО, Биробиджан, ул. Широкая, д. 70а, ДВГСГА, (42622) 4-76-37, (42622) 4-63-69.

E-mail: ron-rey63@mail.ru

Mr. Alexander A. Azarenkov – PhD in History, Associate Professor, the Chair of History at the Far-Eastern State Social Humanitarian Academy (Russia, Birobidzhan), 679015 Jewish Autonomous Region, Birobidzhan, 70a Shirokaya street, DVGSGA, tel.: (42622) 47637, (42622) 46369, e-mail: **ron-rey63@mail.ru**

Азаренкова Наталья Николаевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681035, Комсомольск-на-Амуре, ул. Пионерская, 56 – 9, 8-4217-54-44-52.

E-mail: nna_65@mail.ru

Ms. Natalia N. Azarenkova – senior lecturer of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681035 Komsomolsk-on-Amur, 56 Pionerskaya St., off. 9, tel.: (8-4217) 544452, e-mail: **nna_65@mail.ru**.

Аннотация. Проанализированы причины неустойчивости созданного на Дальнем Востоке в начале 1920-х годов механизма регулирования регионального порядка. Статичную «вашингтонскую систему» «взорвала» большевистская Россия, казалось, превратившаяся в годы революционной смуты в пространственно фрагментированный «фантом». С возвращением Москвы на Дальний Восток континентальная политика региональных держав – Соединённых Штатов и Японии – больше не могла продолжать игнорировать фактор набирающего мощь третьего регионального лидера – Советского Союза. Несмотря на это, Соединённые Штаты в эпоху «процветания» своей экономики пытались проводить принципы так называемого «изоляционизма», нацеленные на сохранение «статус-кво», и не замечать меняющуюся реальность.

Summary: The article gives analysis of the reasons for the unsteadiness of regulation and government mechanisms in the region that were established in the Far East in early 1920s. The static “Washington system” exploded with the advent of the Bolshevik Russia, which seemed to have transformed into a spatially fragmented “phantom” during the years of revolutionary stir. With Moscow coming back to the Far East, the continental policy of regional leader-states – USA and Japan – couldn’t simply carry on neglecting the factor of the third Regional leader – the Soviet Union, which meanwhile was growing ever stronger. In spite of this fact, the USA in their epoch of “economic prosperity” firmly stuck to the so called “isolationism” aimed at preserving the ‘status quo’ and not taking notice of changing reality.

Key-words: isolationism, "buffer", "Washington order", diplomacy, the Far East, the USA, bolshevist regime, historiography, regional policy, "prosperity".

Keywords: isolationism, "buffer", "Washington order", diplomacy, the Far East, the USA, bolshevist regime, historiography, regional policy, "prosperity".

УДК 94: 94(47).

Революционная смута и сопровождавший её распад имперской государственности резко ослабили позиции России в раскладе сил с сопредельными державами на Дальнем Востоке. Затянувшаяся междоусобица, многовластие и локализм при активных попытках вмешательства извне привели к настоящему геополитическому «обвалу». В какой-то момент бывший имперский центр вовсе перестал контролировать свои традиционные сферы влияния в регионе, по существу отказавшись от механизмов активной внешней политики и уступив их другим державам – Японии, США и, отчасти, Великобритании. Россия как государство оказалась перед реальной опасностью надолго (возможно, что и навсегда) потерять даже собственные дальневосточные территории.

В начале 1920-х годов острое соперничество двух тогдашних региональных лидеров – Японии и США – сделало возможной активную «игру на противоречиях» между этими державами, в которую через искусственное марионеточное государство–«буфер» попытались включиться большевики, чтобы «отыграть назад» утраченные позиции. «Игра» на «межимпериалистических противоречиях», сделавшаяся излюбленной стратагемой большевистской дипломатии практически до конца существования СССР, преподносилась под идеологическим «соусом», хотя по существу имела глобальный, геополитический характер.

Следует отметить, что идея стратегического союза с Россией (пусть даже большевистской) против Японии начала прорабатываться с начала 1920-х годов прежде всего среди американских военных, глубоко разочарованных в результатах вильсоновского антибольшевистского «интервенционизма» [1]. Немало сторонников она имела среди командного состава ВМФ США, небезосновательно опасавшихся резкого усиления позиций Японии после неизбежного военного «ухода» Америки из региона [2].

Провозглашённый «де-юре» в апреле 1920 г. и утвердившийся «де-факто» к концу того же года целиком подконтрольный Москве, но формально выдаваемый за вполне независимый, демократический и рыночно-буржуазный «буфер» создавал внешне привлекательные условия для бизнеса и снимал важное идеологическое препятствие, делая возможным подключение американской дипломатии к противодействию японской экспансии на Дальнем Востоке. Посредством «буферного» прикрытия и Вашингтон, и Токио могли «разговаривать» с Москвой, не «поступаясь принципами». Москва делала то же самое, сохраняя идеологическую «стерильность» и не обременяя себя конкретными обязательствами. При необходимости и в нужный момент большевистский режим мог легко отказаться от уступок, принятых на себя властями «буфера».

Конечно, скрыть всю эту тактику «тройного коня» (термин этот применительно к Дальневосточной республике первым использовал В.Э. Молодяков [3]) было невозможно. И японцы, и американцы понимали, с кем и с чем они имеют дело, но соглашались делать вид, что желают быть обманутыми и играть в предложенную Москвой игру, разумеется, в собственных интересах, через торг с властями «буфера» за разного рода гарантии, компенсации и экономические уступки. Тот, кто хотел убедиться в легитимности дальневосточной «буферной» демократии, остался вполне доволен. Расчёт строителей «буфера» – большевиков – на демократическое прикрытия – многопартийность, всеобщие выборы и парламент, призванные нейтрализовать обвинения в прокоммунистическом характере государства–«буфера», оказался верным, хотя и лишь отчасти.

В то же время, несмотря на «буфер», официальный Вашингтон (в отличие от Токио) продолжал блюсти максимальную осторожность и шёл лишь на неформальные контакты, предпочитая особенно не афишировать свою связь даже со «скрытыми» большевиками – властями «буфера». На вопрос об отношении его администрации к продолжению японского

присутствия в регионе американский дипломат Смит выразился вполне определённо: «Если "буфер" будет чисто коммунистический, что опасно для дальневосточных стран, то Америка не вмешается. Если же "буфер" будет демократический, то Америка не только не позволит оккупировать, а будет стремиться к экономическому возрождению края...» [4]. Нужно учитывать, что позиции Москвы в регионе тогда оставались уязвимыми, а перспективы большевистского режима в России в целом выглядели не слишком оптимистично.

С другой стороны, невзирая на создание «буфера», задержка эвакуации японских войск с российской территории недвусмысленно указывала на планы будущей экспансии Японии, что беспокоило влиятельный в то время военный истеблишмент США. Не только военные, но и Госдепартамент сомневались в надёжности Японии как партнёра для поддержания формируемой Соединёнными Штатами системы равновесия сил в Восточной Азии и не желали безучастно наблюдать, как Япония медленно, но верно продвигается к установлению протектората над частью российского Дальнего Востока [5].

Таким образом, задача американской внешней политики по блокированию японской экспансии объективно совпадала с интересами большевиков, в свою очередь обеспокоенных перспективой развёртывания масштабной войны на Дальнем Востоке. И для Москвы, и для Вашингтона главным противником в регионе однозначно являлась Япония.

Без сомнения, в Соединённых Штатах не рассматривали большевиков в качестве надёжного и долгосрочного союзника против Японии. Больше того, влиятельные политические силы Америки просто не принимали их всерьёз. Американская сторона сводила свой расчёт к достижению вполне прагматичных дивидендов. Московская власть ещё была слишком слаба, тем более на Дальнем Востоке, чтобы можно было рассчитывать на неё как на силовой фактор в блокировании японского влияния. Скорее всего, Соединённые Штаты попытались «задействовать» Москву лишь как один из «запасных» вариантов с целью превентивной активизации российской континентальной массы и её ресурсов на борьбу с японской опасностью. Суть «нового курса» Америки в отношении России (если вообще можно говорить о «курсе» как таковом) состояла в том, чтобы в дальнейшем воздерживаться от вмешательства в её дела, дать ей самоопределиваться, по возможности взаимодействуя с большевистским режимом только на антияпонской основе. Основным же вариантом американской политики являлось, без сомнения, дипломатическое и финансовое давление на европейских союзников, считавших японское «хозяйничание» на Дальнем Востоке России не задевающим их собственных сфер влияния, а также нажим непосредственно на Японию, пока не готовую к открытой конфронтации с США.

Стоит отметить, что роль стратегов и офицеров военного флота в определении американской внешней политики после завершения мировой войны всё ещё была важной, хотя и быстро падала. Основной задачей военно-морского лобби было сохранить и впредь преобладающее влияние на политическое руководство США. Главным противником военных здесь выступал американский бизнес, заинтересованный в скорейшей экономической «утилизации» ёмких дальневосточных рынков, прежде всего китайского и японского. Капитал торопил политиков, нуждаясь в компромиссе с Японией и создании стабильной обстановки для масштабной американской экономической экспансии, особенно в Китае.

Пока обстановка оставалась неопределённой, американский бизнес занимался зондажем возможностей для концессионной деятельности и на территории «буферной» ДВР (особенно активно с середины 1921 г.). Но, кроме разве что наиболее рискованных пионеров-одиночек, до окончательной политической стабилизации в этой части России вкладывать деньги сюда американцы всё же поостереглись. А когда с японской эвакуацией из Приморья масштабная «экономическая интервенция» Америки, наконец, сделалась возможной, было слишком поздно. К моменту завершения Вашингтонской конференции американский капи-

тал хлынул в Японию и Китай. Эти два рынка оказались столь ёмкими, что полностью поглотили свободные финансовые активы компаний Западного побережья и Уолл-стрита. Что в обозримой перспективе девальвировало привлекательность ресурсов российского Дальнего Востока для заокеанских инвесторов.

Впрочем, есть сомнения в том, насколько серьёзные американские компании изначально были готовы вести дела с Россией. И дело здесь вовсе не в большевиках, а в отсутствии коммерческого интереса к «русским делам» у «серьёзных людей» Америки. Даже до российской смуты, когда единственным (хотя и принципиальным для американской стороны) препятствием в сотрудничестве с Россией был так называемый «еврейский вопрос», её доля в общем внешнеторговом обороте США составляла всего-навсего 3 % [6]. Учитывая это обстоятельство, вполне допустимо предположить, что на деле рассчитывать на реальную помощь американского бизнеса, не говоря уже о каких-то шагах официальных властей навстречу России, большевикам всё же не приходилось. Во все не случайно стремление к торговле и инвестициям в большевистскую Россию в основном выказывали лица авантюрного типа, склонные к лёгкой наживе. Часто они просто не имели «за душой» ничего, кроме громких прожектов. Другие дельцы уже «прогорели» у себя дома и естественным образом искали выхода из проблем с законом там, где закон отсутствовал вовсе – в России [7].

Следует констатировать и то, что поддержка «де-факто» против Японии из Вашингтона вряд ли была для Москвы слишком ощутимой, по крайней мере, в той степени, в какой на это могли рассчитывать сами большевики. В то же время для начала 1920-х гг. весьма деликатная тактика дипломатической «игры на противоречиях» США и Японии являлась едва ли не единственно возможным для Москвы способом «выдавливания» Японии с российского Дальнего Востока. Имея столь ограниченное пространство для маневра, большевики, будучи самым слабым в тогдашних условиях «игроком», тем не менее, заняли оптимально возможную в той ситуации активную позицию, добиваясь в качестве приоритетной задачи ликвидации японской интервенции и максимально быстрого заполнения открывавшихся возможностей к восстановлению позиций России как региональной державы.

Между тем, усиление давления со стороны держав во главе с США на Японию и падение популярности поддерживаемых последней группировок русских коллаборантов в регионе способствовали тому, что уже один только временной фактор, даже бездеятельное ожидание повышали шансы Москвы вновь расширить границы своего влияния до берегов Тихого океана.

Итоги Вашингтонской конференции по морским вооружениям и дальневосточным региональным проблемам (12 ноября 1921 г. – 6 февраля 1922 г.) были по-своему неожиданными. Они стали свидетельством не столько временного триумфа Америки над Японией, сколько победы американского бизнеса над американскими военными. Наступала так называемая эпоха «просперити» (1922 – 1928 гг.) – время экономического бума в США, сделавшегося возможным благодаря невиданной прежде американской деловой активности на мировых рынках, в особенности дальневосточном. Эта активность поощрялась политикой так называемого «изоляционизма» республиканских администраций Уоррена Гардинга (1921 – 1923 гг.) и Кальвина Кулиджа (1923 – 1924 гг. и 1925 – 1928 гг.).

Символом тесного альянса бизнеса и политики стал Герберт Кларк Гувер (1874 – 1972), в 1921 – 1928 гг. бессменно занимавший ключевой в этом альянсе пост министра торговли США. Преуспевающий крупный бизнес эры «просперити» окрестил его «великим организатором» американской экономики, обеспечив выдвигание Гувера летом 1928 г. кандидатом от республиканской партии в президенты США. «Звёздный час» Г. Гувера пробил в том же году: он одержал победу на президентских выборах с внушительным отрывом от соперника. В марте 1929 г. гуверовская администрация вступила в Белый дом [8].

Большевистская дипломатия в 1922 г. (а в последующем и советская историография) излишне оптимистично (и совершенно искажённо) восприняла результаты Вашингтонской конференции. Они «подавались» как свидетельство резкого обострения «межимпериалистических» противоречий между США и Японией. Утверждалось, что именно Вашингтонская система заложила основу для последующего военного столкновения между Японией и США.

Историографическая традиция оказалась столь живуча, что и поныне господствует унаследованное с советских времён мнение о том, что подписанный 6 февраля 1922 г. в Вашингтоне «договор пяти держав» об ограничении морских вооружений установил выгодное для США и неприемлемое для их главной соперницы соотношение морских сил, которое Япония приняла лишь вынужденно [9]. Авторитетный специалист по геополитике и «антиатлантист» по ориентации Карл Хаусхофер, «подогревая» японские амбиции к экспансии в тихоокеанском бассейне, в своё время тоже заявлял, что Вашингтонская конференция была для Японии тем же, чем Версальская для Германии [10].

В то же самое время американская, да и в целом западная историография на основе анализа документов из американских архивов, напротив, оценивала период американо-японских отношений, начиная с 1922 г. (и, по меньшей мере, до 1924 г. включительно), едва ли не как их «медовый месяц» – время «расцвета» экономического сотрудничества между США и Японией [11].

Справедливости ради необходимо отметить, что заключённый в Вашингтоне договор о политических и территориальных гарантиях для поддержания нового регионального порядка (так называемый «договор четырёх держав») подписывался сроком на 10 лет, определяя предельную границу жизнеспособности «вашигтонской системы» началом 1930-х гг. [12]. Фактически это был региональный пакт 10-летней стабильности, создававший в «ближней» перспективе политико-правовую основу и механизм для регулирования глобального порядка в Восточной Азии, нацеленного на сохранение «статус-кво» – уже сложившихся геополитических реалий. Традиционная «блоковая» политика, провоцирующая недоверие между державами и скомпрометированная своей неэффективностью, приведшей в итоге к мировой войне, отбрасывалась как «устаревшая». Принятые ограничения тоннажа флотов США, Японии и Британии завершали эпоху, когда последняя неоспоримо являлась ведущей морской державой, а значит, делали неосуществимыми надежды Японии на возможность использования стратегического альянса с ней в качестве «противоядия» американским усилиям заблокировать японскую экспансию на континенте, дабы лишить Японию стратегического сырья.

Создание многосторонней основы международного регулирования в регионе оформляло принцип партнёрства великих держав на основе коллективных гарантий, что и должно было создать гораздо более надёжную, нежели «блоковая» система, основу для устойчивости региональной подсистемы. Таким образом, Запад и, в частности, США в теории получали коллективный инструмент воздействия на политику Токио, который должен был помешать возможному превращению Японии в экспансионистскую державу.

При всех противоречивых историографических оценках «вашигтонской системы» всё же вряд ли справедливо утверждение, что она, «унижая» Японию, изначально сама по себе создавала конфликтный потенциал, чреватый войной на Тихом океане. Наоборот, это был, пожалуй, единственно возможный в тогдашних условиях механизм, способный нейтрализовать японо-американские противоречия. Другое дело, что такой механизм в «дальней» перспективе оказался не слишком эффективен. Впрочем, он, как отмечалось выше, и не был на эту перспективу рассчитан.

Гораздо более «артикулированная», чем прежде, антияпонская позиция США и держав в Вашингтоне в значительной мере предопределила ужесточение линии московской ди-

пломатии на переговорах с Японией об условиях японской эвакуации с территории российского Дальнего Востока и дальнейших перспективах советско-японских отношений.

Результаты конференции в полной мере оправдали ожидания большевистского руководства, хотя, как известно, официально РСФСР (и её сателлита – «буферную» ДВР), в Вашингтон не пригласили. Реакция Москвы на решения конференции последовала незамедлительно. Москва требовала от Японии предварительного признания, а лишь затем соглашалась на переговоры по экономическим вопросам, причём без гарантии каких-либо преференций. Любые переговоры с сопредельными государствами, имевшими экономические интересы на Дальнем Востоке, теперь велись только в увязке с дипломатическим признанием большевистского режима.

А 30 декабря того же года большевики декларировали образование Советского Союза, собранного из осколков бывшей Российской империи. Это был не просто формальный акт рождения новой империи. Принципиально изменилось также и содержание: возникла новая геополитическая данность. Отныне любая региональная политика, будь то японская или американская, могла базироваться или на признании и сотрудничестве, или на соперничестве и конфронтации с СССР. Иначе говоря, более просто игнорировать фактор новой России как очевидной реальности, а не некоего прежнего пространственно неопределённого «изгоя» становилось невозможно.

Тем не менее, рождение СССР адекватно восприняли далеко не сразу и не все державы. Решая задачу восстановления своих пространственных позиций, большевистский режим нуждался в формализации нового статуса, форсируя процесс своего официального признания со стороны как Соединённых Штатов, так и Японии. Что касается последней, то это знаковое событие произошло 20 января 1925 г., когда после трудных переговоров две державы подписали в Пекине Конвенцию об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии, закладывавшую базу долгосрочных связей между двумя странами, в том числе последующего соглашения о японских концессиях на территории советского Дальнего Востока. Японцы хотели быть и стали первыми, кто в полном смысле «прорвался» в регион. Они мыслили вполне прагматично: если захватить российский Дальний Восток не удалось силой, нужно «утилизировать» его через экономическую активность японского капитала. Тем более, что в эти же годы США активно и напористо вытесняли Японию с китайского экономического пространства, тем самым вольно или невольно «подталкивая» её в советские «объятия» [13].

С Соединёнными Штатами вышло иначе. Решения Вашингтонской конференции, нацеленные на сохранение статус-кво в регионе, фактически игнорировали большевистскую Россию (затем и СССР) как региональную державу и равноправного участника «вашингтонского порядка», превращая её (вместе с тогда пространственно «фантомным» Китаем) в «изгоя» дальневосточной политики, поскольку исключали эту же геополитическую реальность и её набирающую ускорение динамику.

Столь неестественная для «разорванного» продолжительной российской смутой евразийского пространства ситуация, согласно замыслу вашингтонских «архитекторов», должна была «законсервироваться» как минимум на целое десятилетие [14]. «Уход» Японии с российской территории значительно снизил интерес Америки к русским делам, и оптимистичные надежды Москвы на динамику в отношениях двух стран и скорое признание «де-юре» своего нового регионального статуса со стороны США не оправдались. Администрации республиканцев, изолируя СССР, предпочли «не замечать» его интересы на Дальнем Востоке, по сути «замораживая» его потенциальные возможности как самостоятельного игрока и «исключая» их из силового баланса в регионе. Подобная политика, как бы её не называли искусшённые американские дипломаты Дж.Ф. Кеннан («умеренность и терпение»), Р. Лэнсинг («наблюдение и выжидание»), Б. Колби («непризнание»), всё же слишком долго конструиро-

вала искусственную реальность, чтобы продолжать оставаться реалистичной [15]. Создав «вашингтонский порядок», Соединённые Штаты обратились к внешнеполитическому изоляционизму. Их интерес к региону оказался узконаправленным, утилитарным и пассивным. Это и есть три основные характеристики дальневосточного изоляционизма.

В этой связи было бы уместно ретроспективно рассмотреть основные критические интерпретации политики изоляционизма в регионе в 1920-е годы американскими исследователями.

Авторитетный исследователь У. Коэн называл изоляционизм «старомодной доктриной», которая доминировала и, возможно, была оправдана в отношении европейской политики, но её трудно было применить к Азии, учитывая «фантастические экономические возможности этого региона» [16].

Исследователи С. Адлер, Р. Бьюхайт и Л. Эллис отмечали противоречивость природы дальневосточного изоляционизма времени «процветания», критически оценивая антикоммунистические взгляды так называемых «изоляционистов-консерваторов» (например, сенатора Лоджа). К числу приверженцев сходных взглядов они относили также и президентов Соединённых Штатов Гардинга, Кулиджа, Гувера. В то же время перечисленные историки одобряли идеи так называемых «изоляционистов-демократов» (сенаторы Бора, Лафоллет), которые выступали за сближение с Советским Союзом и сотрудничество с ним в разрешении дальневосточных проблем на основе ликвидации полуколониального положения Китая.

Р. Бьюхайт комментировал острую борьбу в госдепартаменте США между либералами и консерваторами. По его мнению, Н. Джонсон (глава дальневосточного отдела госдепартамента в 1925 – 1928 гг.) был сторонником сепаратного курса США на Дальнем Востоке, поскольку считал, что европейские державы и Япония «срывали вашингтонские договоры с момента их заключения и толкали Америку на путь совместной с ними вооружённой интервенции против китайской революции». Хотя Джонсон принадлежал к дипломатам так называемой «старой школы», исповедовавшим изоляционистский принцип невмешательства во внутренние дела других государств, он был «реалистом» в том смысле, что был готов «пойти дальше» решений Вашингтонской конференции ради распространения «американских ценностей» в Восточной Азии и, несмотря на изоляционизм, добивался «свободы рук» в этом регионе ради интересов крупного бизнеса. В этой связи Джонсон критиковал изоляционистов-консерваторов вроде посла США в Китае Мак-Мюррея: последний отстаивал статус-кво на Дальнем Востоке, определённый вашингтонскими договорами. Точка зрения Джонсона возобладала в госдепартаменте и повлияла на позицию государственного секретаря США Келлога. После шанхайских событий 30 мая 1925 г., которые положили начало китайской революции, США стали проводить по отношению к Китаю «политику уступок», выразившуюся в том, что они взяли на себя инициативу по пересмотру договоров и отказались от идеи совместной с Великобританией вооружённой интервенции против Китая. Приход к власти в Китае гоминьдановского режима Чан Кайши окончательно определил «сепаратный курс» китайской политики США, делает вывод Бьюхайт [17].

В статье «Китай и Япония: вызов и выбор 20-х гг.» В. Уильямс противопоставлял недальновидному, с его точки зрения, курсу администрации Кулиджа в отношении китайской революции 1925 – 1927 гг. оппозицию в Сенате в лице Бора и Х. Джонсона, американского посла в Японии Р. Морриса и бывшего советника по экономическим вопросам в правительстве Вудро Вильсона Н. Дэвиса. Эти политики считали, что вашингтонские договоры развязали Японии «свободу рук» в Азии. Столкнувшись с «вызовом» со стороны «китайских националистов», писал Уильямс, администрация встала перед выбором: продолжать сотрудничество с другими державами (включая Японию) в решении китайского вопроса на основе системы вашингтонских договоров, или отказаться от договора четырёх и договора девяти

держав и проводить на Дальнем Востоке сепаратный курс. В частности, сенатор Бора выступал за сотрудничество с СССР в китайском вопросе. Успех, по его мнению, зависел от согласия Соединённых Штатов поддержать «союз коммунистов и Гоминьдана в Китае». Это, в свою очередь, позволило бы «использовать Москву в качестве противовеса Токио», заставив Японию вывести войска из Китая. Любопытно, что, по мнению В. Уильямса, госсекретарь Келлог склонен был поддержать Бору, отказавшись в своем заявлении 27 января 1927 г. от сотрудничества с Японией в китайском вопросе. Симпатии американской общественности и конгресса, по его мнению, также были на стороне Бору. Большинство конгрессменов сделали шаг в этом направлении, одоблив резолюцию члена палаты представителей Портера о пересмотре неравноправных договоров с Китаем [18]. Тем не менее, администрация Кулиджа всё же пошла на сотрудничество с Японией, выполняя решения Вашингтонской конференции по китайскому вопросу. Американские государственные деятели были убеждены, что лучший путь для осуществления политики «открытых дверей» на Дальнем Востоке – сотрудничество с европейскими державами и Японией под руководством США на базе борьбы с подталкиваемым СССР (Коминтерном) революционным движением в Азии [19].

Изоляционизм истеблишмента «подпитывался» и изоляционизмом масс. В Америке 1920-х развернулось мощное пацифистское движение в форме «раздражительного изоляционизма». В период с 1914 по 1941 гг. в стране состоялось несколько так называемых «антивоенных референдумов». К примеру, историк Де Бенедетти доказывал, что пакт Бриана-Келлога – результат, главным образом, деятельности американских пацифистов и либералов 1920-х гг. Книга Л. Рисельбаха об изоляционистах в конгрессе, анализ религиозной прессы в трудах Х. Джозефсона, характеристика деятельности изоляционистской организации «Америка прежде всего» в книге Стейнжема, труды В. Коэна, Е. Мэя, Л. Голфэнда, У. Коули, А. Рочера, Р. Леверинга о влиянии общественного мнения США на формирование американской внешней политики в 1920-е годы – всё это свидетельствовало о жёстком «изоляционизме снизу» [20]. С. Бейли сравнивал изоляционизм американского народа со «страусом, который засунул голову в песок». Именно изоляционизм масс, по его мнению, ответственен за срыв доктрины «открытых дверей» в Китае [21].

В любом случае, дальневосточный изоляционизм оказался более жёстким, поскольку, отмечал историк Р. Дивайн, Соединённые Штаты в межвоенный период считались «атлантической державой», что едва ли не автоматически ставило их азиатскую политику, в частности, в Китае, в подчинённое положение к латиноамериканской и европейской [22].

Некоторые американские исследователи объясняли изоляционизм США на Дальнем Востоке также отсутствием «национальных интересов» в этом регионе, ссылаясь при этом на различие культур между Востоком и Западом, на Тихий океан как барьер. В частности, Ньюмен писал, что лидеры США отрицали наличие «приоритетов национальной политики» в Азии, а общественность, пресса, Институт Тихоокеанских отношений не способны были определить эти «приоритеты», так же, как и дипломатический корпус США на Дальнем Востоке. Парадоксально, но, в то же самое время, американские посольства в Пекине и Токио значительно превосходили по численности дипломатические представительства США в Лондоне и Париже [23].

Историк П. Клайд ещё более критично оценивал изоляционизм, называя его особого рода «бедствием», влиявшим на выработку дальневосточной политики США в 1920-е гг. Он указывал на отсутствие осознаваемых «жизненных интересов» США в регионе этого времени, о чём, по его мнению, свидетельствовало то, что ответом на развитие революционного движения со стороны США стала «пассивная политика принципов». Клайд объяснял это тем, что в США в 1920-е гг. отсутствовали центры по изучению дальневосточного региона, между Востоком и Западом существовал языковой барьер, а на государственных деятелей дейст-

вовала «философия благожелательного оптимизма», опиравшаяся на «сентиментальные представления о том, что Китай воспримет американский образ жизни посредством христианизации этой страны, без активного вмешательства военных и дипломатов» [24].

На государственных лидеров Америки, по мнению некоторых американских историков, влияла и расистская философия о «жёлтой угрозе» со стороны Азии, что породило анти-японские настроения в США, привело к обострению американо-японских противоречий на Дальнем Востоке, но отнюдь не способствовало обеспечению «баланса сил» в этом регионе. В результате политика Соединённых Штатов на Дальнем Востоке изначально являлась «двусмысленной и противоречивой», а правящие круги Вашингтона оказались не способны определить те интересы, которые бы оправдали участие США в войне на Тихом океане [25].

Таким образом, по совокупности причин «вашингтонский порядок» обнаружил изначальную хрупкость. Американский изоляционизм свёлся к «пассивной политике принципов», основанной, в свою очередь, на доктрине «открытых дверей». За «хрупкостью» этой политики на рубеже 1920 – 1930-х годов последовал её кризис, а в последующие два-три года и развал «порядка». Не столько попыткой наверстать упущенное, сколько признанием свершившегося факта стало признание «де-юре» и установление дипломатических отношений СССР и США в ноябре 1933 г. Влияние военных на американскую политику снова начало расти. Одновременно завершилась «эпоха процветания» в США, а экономическая депрессия вызвала упадок внешней торговли. Стремительно росли угрозы, связанные с активизацией японской экспансии в Китае.

И США, и СССР рассчитывали взаимно заручиться поддержкой друг друга. И уже не просто в «сдерживании» амбиций Японии: противоречия между Японией и США, с одной стороны, и между Японией и СССР, – с другой, – становились столь острыми, что могли разрешиться силовым столкновением. Понимание нарастания угрозы войны объективно включало отпор возможной японской агрессии в сферу актуальной политики как Москвы, так и Вашингтона, делая Токио их вероятным общим врагом. Это подталкивало к поиску механизмов формирования антияпонского стратегического альянса. Удивительно, но показательно, что в данном случае именно военные, а не дипломаты (как обычно бывает) инициировали процесс сближения двух стран, включая даже решение об установлении официальных отношений. Причём это были военные одновременно обеих стран [26].

Официальное признание Советского Союза сначала Японией, а затем и США «формализовало» за ним статус третьего регионального лидера, с которым как с равным партнёром соглашались считаться две другие региональные державы. Статичный «вашингтонский порядок», испытавший удары от японской агрессии в Китае в сентябре 1931 г. и в начале 1932 г., провозглашения «буферного» государства «Маньчжоу-го» в марте 1932 г. и полной аннексии Маньчжурии к концу того же года, продержавшись точно отведённое ему десятилетие, рухнул окончательно [27]. Последующий 1933 год можно с полным основанием считать рубежом восстановления утраченных Россией ровно на полтора десятилетия геополитических позиций в дальневосточном регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обстоятельный анализ «русской политики» президента США В. Вильсона и противоречивые итоги «странной» интервенции Америки в России подробно проанализированы в сравнительно «свежей» монографии американских историков см.: Дэвис, Д. Э. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Д. Э. Дэвис, Ю. П. Трани. [1913-1921 гг.] : пер. с англ. – М. : Олма-Пресс, 2002. – 477 с.

Азаренков А. А., Азаренкова Н. Н.

АМЕРИКАНСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ
И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ – СССР. ЭПОХА «ПРОСПЕРИТИ», 1922 – 1928

2. Фукс, М. В. Планы сине-оранжевой войны и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке / М. В. Фукс. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1-4.shtml.
3. Молодяков, В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899-1929): Историческое исследование / В. Э. Молодяков. – М. : АСТ, Астрель, 2005. – С. 182. Монография известного российского историка представляет собой наиболее глубокий и, насколько это вообще возможно, беспристрастный анализ зигзагов поведения Японии в отношении России в 1920-е гг., а также зачастую принципиальнейших различий в подходах самих японских политиков к «русскому вопросу».
4. Сводка осведомительного отдела ГПО ДВР от 21 января 1921 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 30.
5. Фукс, М. В. Планы сине-оранжевой войны... / М. В. Фукс. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1.shtml.
6. См.: Протокол заседания Парижской демократической группы партии народной свободы от 16 февраля 1922 г. № 25 // Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 6. Кн. 1 – 1922 г. – М., 1999. – С. 79.
7. Подробнее об американских концессиях на Дальнем Востоке России см. : Марьясова, Н. В. Американские предприниматели-концессионеры на Дальнем Востоке в 1920-е годы / Н. В. Марьясова // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 5. – С. 92-100; Марьясова, Н. В. Основные направления, принципы и методы концессионной работы в условиях Дальнего Востока России в 20-30-е годы / Н. В. Марьясова // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему : материалы Междунар. науч. конф. (доклады и сообщения), 18-20 июня 1996 г. – Владивосток, 1997. – С. 152-159; Марьясова, Н. В. История золотопромышленной концессии Д. Винта / Н. В. Марьясова // Съезд сведущих людей Дальнего Востока : материалы науч.-практ. историко-краеведческой конф. посвящённой 100-летию Хабаровского краеведческого музея. – Хабаровск, 1994. – С. 154-156; Марьясова, Н. В. Организация концессионной политики и практики в условиях ДВР / Н. В. Марьясова // Из истории Дальневосточной республики : сб. науч. тр. – Владивосток, 1992. – С. 121-135; Мухачёв, Б. И. В.И. Ленин и Северо-Восток в период образования и деятельности Дальневосточной республики / Б. И. Мухачёв // В.И. Ленин и Дальневосточная республика : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Крушанова. – Владивосток, 1985. – С. 112-128; Попов, В. Г. Концессионная политика Советского государства на русском Дальнем Востоке (1922-1944 гг.) / В. Г. Попов // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России : сб. науч. тр. – Владивосток, 1994. – С. 117-121; Сараджан, Г. С. Дальневосточная республика и США / Г. С. Сараджан // Из истории Дальневосточной республики : сб. науч. тр. – Владивосток, 1992. – С. 135-143; Флёров, В. С. Политика в отношении частного капитала на Дальнем Востоке (1922-1925 гг.) / В. С. Флёров // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. – Томск, 1972. – Вып. VII. – С. 152-166 и др.
8. О гуманитарной стороне организационного таланта Г. Гувера см. текст : Азаренков, А. А. АРА и контакты большевистского режима с США / А. А. Азаренков; Н. Н. Азаренкова // Человек, общество и культура: проблемы исторического развития : материалы науч.-практ. конф. – Комсомольск-на-Амуре : ГОУВПО «КнАГТУ», 2005. – Ч. II. – С. 3-8.
9. См., например: Дипломатический словарь. В 3 т. Т. 1 / гл. ред. А.А. Громыко. – 4-е изд. – М. : Наука, 1984. – С. 174.
10. Молодяков, В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899-1929): Историческое исследование / В. Э. Молодяков. – М. : АСТ, Астрель, 2005. – С. 181.
11. Фукс, М. В. Планы сине-оранжевой войны и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке / М. В. Фукс. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p4.shtml.
12. Системная история международных отношений. 1918-2000. В 4 т. Т. 1: 1918-1945 / ред. А. Д. Богатуров. – М. : Московский рабочий, 2000. – С. 145.
13. Занимательный дискурс о деталях переговоров, их формальных и неформальных участниках, реализованных и несбывшихся перспективах советско-японских отношений в обстоятельной монографии известного российского япониста В.Э. Молодякова. См.: Молодяков, В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров... – С. 197-269.

14. Подробнее о Вашингтонской конференции и последствиях создания «вашингтонского порядка» в регионе см. : Системная история международных отношений ... – Т. 1: 1918-1945. – С. 143-150.
 15. Дэвис, Д. Э. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Д. Э. Дэвис, Ю. П. Трани. [1913-1921 гг.] : пер. с англ. – М. : Олма-Пресс, 2002. – С. 394.
 16. Cohen, W. The Chinese Connection / Roger, S. Greene; Thomas, W. Lamont and George, S. Sokolsky. American-East Asian Relations. N.Y., 1978. – P. 364.
 17. Buhite, R. Nelson Johnson and American Policy Toward China, 1925-1928 // Pacific historical review. November. 1966. n. 4. – P. 451-467.
 18. Williams, W. China and Japan: A Challenge and a choice of the 1920's // Pacific historical review. Aug. 1957. - P. 259-279.
 19. Williams, W. The Tragedy of American Diplomacy. N.Y., 1962. – P. 125.
 20. Hart, R. The eccentric tradition: American Diplomacy in the Far East. N.Y., 1976. – P. 3.
 21. Bailey, Th. The man in the street. The impact of American public opinion on foreign policy. N.Y., 1948. – Pp. 249, 289.
 22. Pacific historical review. Aug. 1972. n. 3. – P. 399.
 23. Neumann, W. Ambiguity and Ambivalence in Ideas of National Interest in Asia // Isolation and Security. – P. 133-158.
 24. Clyde, P. Historical Reflections on American Relations with the Far East // The South Atlantic Quarterly. Autumn. 1962. n. 4. – P. 437-449.
 25. Neumann, W. Ambiguity and Ambivalence in Ideas of National Interest in Asia // Isolation and Security. – P. 133-158.
- Интерес американских исследователей к истории дипломатии США на Дальнем Востоке в 1920-е годы постоянно «подпитывается» повышением роли этого региона в международной политике.
- Ещё в 1968 г. в США был учреждён центр по изучению восточно-азиатских отношений (АЕАР), сотрудники которого участвовали в организации ряда конференций (в Японии в 1969 г., в Мексике в 1970 г., в Нью-Йорке в 1978 и 1981 гг. и других), результатом которых явилась целая серия сборников об американо-японских и американо-китайских отношениях в первой половине XX в. - См.: Pearl Harbor as History; New Frontiers. – 348 p.
- В 1972 г. был опубликован целый историографический труд, с обобщённым анализом американской научной литературы по проблематике дальневосточной политики Соединённых Штатов в 1920-е гг. – См.: Iriye, A. 1922-1931 // American - East Asian Relations. A Survey / eds. by E. May and J. Thomson. Mass.: Camb., 1972. – 261 p.
- Историку Дж. Дойнеке принадлежит авторство фундированной монографии под названием «Литература по изоляционизму», являющейся серьёзным библиографическим исследованием. - См.: Doenecke, J. The Literature of Isolationism: A Guide to Non-Interventionist Scholarship, 1930-1970. Colorado Springs: Colo, 1972. – 327 p.
26. Фукс, М. В. Планы сине-оранжевой войны... / М. В. Фукс. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1-4.shtml.
- См. также: Севостьянов, Г. Н. Послы вручают верительные грамоты. Установление советско-американских дипломатических отношений в свете новых документов / Г. Н. Севостьянов // Новая и новейшая история. – 1993. – № 6. – С. 16-35; Севостьянов, Г. Н. Миссия М.М. Литвинова в Вашингтон в 1933 году. Новые материалы / Г.Н. Севостьянов // Новая и новейшая история. – 1994. – № 3. – С. 148-175; Почтарёв, А. Н. О советско-американских военных контактах перед Второй мировой войной / А. Н. Почтарёв // США: экономика, политика, идеология. – 1994. – № 6. – С. 35-43.
27. Подробнее об отношениях СССР и США в 1930-е годы и влиянии на их динамику фактора японской экспансии в Восточной Азии см. монографию Вячеслава Петровича Сафронова: Сафронов, В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931-1945 гг. / В. П. Сафронов. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 452 с.